

БАЛЕТ М

Конечно, я знала о творчестве Май Мурдмаа понаслышке, но так уж распорядилась судьба, что только сейчас мне удалось увидеть ее спектакли "живьем". Речь идет о двух не столь давних премьерах в театре "Эстония" - "Преступление и наказание" на музыку Арво Пярта и "Дон Жуан" на музыку Глюка и Штокхаузена.

Что же их сближает, создавая неуловимую паутину родственных нитей, которую принято называть авторским почерком? Тяга к модерну? Стремление любой ценой найти оригинальную трактовку? Слишком качественная, по балетным меркам, режиссура?

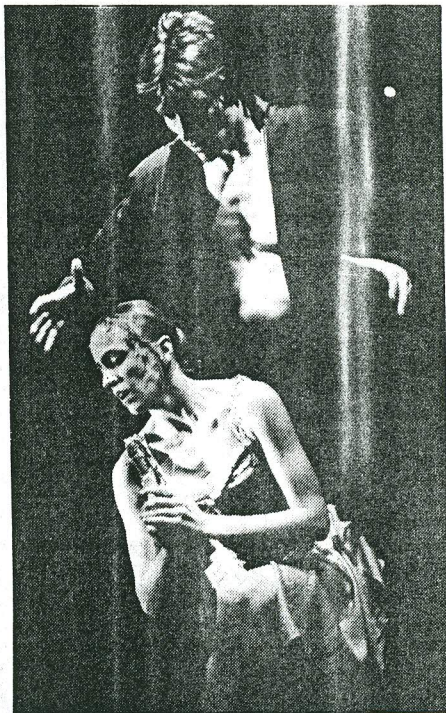
На мой взгляд, точка их соприкосновения - концептуальность. Как часто на балетном спектакле ощущается момент стихийности, некоей анархии действия, приводящей к убеждению, что наделенный приемлемой хореографической фантазией балетмейстер начал, не зная толком, чем закончить, авось, что-нибудь да вытанцуется. Затем полностью заплутав в дебрях мизансцен и так и не найдя сносного режиссерского решения, приспособил малоубедительный финал к серии гораздо более убедительных номеров.

У Мурдмаа режиссерская концепция тщательно продумана и выстроена по законам железной логики. Она исключительно умело оперирует такими категориями, как завязка, развязка и кульминация.

В "Преступлении и наказании" взята лишь общая схема романа Достоевского, все побочные и даже не совсем побочные сюжетные линии и персонажи выкинуты, оставлена несколько абстрактная нравственная тема мук человеческой личности от вынашивания преступления - через само преступление к раскаянию и полному моральному очищению. И все это (кроме преступления, конечно) под влиянием бесплотного ангела чистоты в образе Сони Мармеладовой. Трудно согласиться с подобным подходом к Соне, по-моему, Достоевский и сам несколько перегнул палку в том, что касается святости главной героини, а в Таллинне, где газеты переполнены объявлениями о соблазнительных услугах публичных домов, это звучит несколько двусмысленно.

Балет предваряется множасьимся, как на ротапринте, исполняемым несколькими парами дуэтом. Мурдмаа великолепно владеет арсеналом танца модерн, причем не нарочитого, нахватанного оттуда-отсюда, а на уровне способности мыслить и распорядиться ключевыми понятиями.

В первом и втором акте читаются своеобразные кульминации - убийство и раскаяние. Первое производит сильное впечатление. Раскольников ползет по мучительной диагонали, в конце которой маячит долгожданное испытание - возможность перешагнуть через человеческую жизнь. Движения его все ширятся и ширятся, темп возрастает

и в полубезумном экстазе он достигает цели... погружает руки в ведро и вынимает их окровавленными. И немедленно подается контраст - в правом углу рампы кровь и Раскольников, в левом - Соня и стекающая с пальцев прозрачная вода, которой она пытается смыть следы многих ненавистных поцелуев и прикосновений. Второй акт несколько затянут и выглядит скучнее первого (но не потому же, что преступление привлекательнее раскаяния?). Любопытна тема Порфирия Петрович, как механической, садистической игрушки, а также идея фантома старухи-процентщицы в страшно-отталкивающем виде, как гиря цепляющейся за ноги жертвы-убийцы. Однако бесконечное мушкетирование религиозных мотивов утомляет. Я не против очищения через Бога, но тема веры как бы в противовес многолетнему замалчиванию теперь разбухла до невероятных размеров, поглотив многое другое. Удачным оказался исполнитель роли Раскольникова Ю.Екимов, танцовщик пластичный и выразительный. Я обратила внимание, что практически все исполнители в балетах Мурдмаа прекрасно владеют приемами актерской игры, по всей видимости, у балетмейстера они проходят драматическую "школу".

Asmik Markosjan,
"Estonija", 19. II 194